

Ольга Торощина

16+

Антон из "Зазеркалья"

Весь мир театр...

Ольга Торощина
Антон из «Зазеркалья»

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Торощина О. В.

Антон из «Зазеркалья» / О. В. Торощина — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

У маленького Антона семья творческая: актеры, режиссеры, художники. Растет мальчик за кулисами театра, и окружающий мир представляется ему странным и обманчивым "Зазеркальем". Но Антону очень хочется попасть в настоящий "реальный" мир. И вот, долгожданная встреча с реальностью, наконец-то, произошла...

Самое удивительное, что, в отличие от большинства людей, Антон помнил тот момент, когда он начал помнить. Было ему года три, чуть больше или чуть меньше, не важно. Он открыл глаза и вдруг обнаружил себя в полутемной комнате сидящим на горшке. Рядом небольшой столик, на нем яркая лампа, и ее огни отражаются в трехстворчатом зеркале. А из зеркала на него смотрит сказочно красивая женщина – пышные кудри уложены в замысловатую прическу, длиннющие ресницы, кружевной высокий воротник. Она задумчиво улыбается, проводит по лицу мохнатой кисточкой, и после каждого взмаха становится все прекраснее и прекраснее. «Это же мама!» – с восторгом подумал Антон, хотел ее позвать, но вместо этого у него получилось нечто невнятное: «Ма-ка-ка-ка...»

– Покакал, что ли? – обратилась к нему красавица.

Антон улыбнулся и потянул к маме ручки. Но вдруг раздался резкий дребезжащий звонок, и одновременно заговорило, закаркало радио на стене: «Актеры, занятые во втором акте, срочно пройдите на сцену!»

– Ах, как ты не вовремя все делаешь! – с досадой воскликнула мама.

Она вскочила, стала что-то искать, невзначай пыльным рукавом платья смахнула со стола несколько коробочек, и все это полетело на голову Антону. Было не больно, но очень обидно. И он уже собрался заплакать, но тут в комнату вбежала запыхавшаяся полная тетенька и истошно заголосила:

– Леночка, Леночка, третий звонок! Кринолин, кринолин быстрее надевай!

– Да тут Антошка обделался!

– Пойдем, пойдем! Я потом сама к нему зайду!

Мама сунула Антону беленький бумажный квадратик:

– Давай сам, ты уже большой, – подхватила двумя руками подол длинного платья и исчезла за дверью.

А Антон, обсыпанный с ног до головы пудрой и блестками, так и остался сидеть на горшке, зажав в кулачке салфетку.

Это было первое разочарование, но далеко не последнее.

На третьем этаже театра находился бутафорский цех. И это был настоящий дворец чудес, чего там только не было! Серебряные мечи с расписными рукоятками, копья, луки, рыцарские доспехи, деревянный конь почти в натуральный рост и карета-тыква на колесиках. Был еще белый пиратский попугай, совсем как настоящий, он даже головой мог качать и крыльями хлопать! И заведовала всем этим царством мамина мама, то есть Антошкина бабушка, а мастерил все эти чудеса маг и волшебник – дедушка.

На столе стояла ваза с фруктами: красные яблоки, пузатые груши, гроздь винограда с блестящими капельками. Антон даже задохнулся от восторга, схватил самое большое яблоко и смачно куснул. Два передних зуба хрустнули и сломались.

– Ну, не плачь, глупенький, – утешала «Ба» рыдающего от боли и обиды Антона. – Это же папье-маше, дедушка яблочки воском натер, вот они и блестят, как настоящие. А зубки у тебя новые вырастут...

– А не вырастут, я тебе сам сделаю. Хочешь – золотые, хочешь – серебряные, или как у бабы Яги – костяные, – вторил ей «Де».

«Всё вокруг не настоящее», – решил для себя Антон.

На сцене пели и водили хороводы веселые зверушки, а за кулисами зайцы дядя Коля и дядя Боря резались в карты и по очереди прихлебывали что-то из термоса, отчего лица у них делались красные и сильно довольные. Подружки-белочки тетя Валя и тетя Рая целыми днями просиживали на лестничной площадке между этажами: вязали шапочки и шарфики, курили сигарету за сигаретой и громко выясняли отношения. Добрый ежик дядя Толя, даже не сняв костюм с иголочками, в перерывах между утренними спектаклями дрых на кушетке в зритель-

ском фойе. Да храпел так, что в гардеробе пришедшие первыми дети-зрители вздрагивали и боязливо озирались.

Но больше всего Антона удивляли, почти пугали, собственные родители. На вечернем спектакле он осторожно выглядывал из-за занавеса. Мама, вся такая нежная и воздушная, стояла на балконе, печально смотрела на луну и прижимала к груди цветов.

– Что значит имя, роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет. Ромео...

И тут появлялся папа! Высокий, стройный, он ловко подтягивался на руках и почти взлетал к маме на балкон. Папа был герой, а мама принцесса! Но потом они выходили со сцены и, стоя в кулисах, сдавленными голосами долго шипели друг на друга.

– Ты опять раньше вышел! У меня из-за тебя лучшая часть монолога пропала!

– Ой, трагедия какая, теперь «Оскара» не дадут!

– Придурок! Бездарь! Режиссерский сынок!

– Истеричка!

В кабинете над столом у деда-режиссера висели два больших портрета: лысый старик с мохнатой бородой и седой дядька в галстук-бабочке и очках. Антон по малолетству даже думал, что на этих картинках дедушка нарисован, только в разное время. Так как дед с гордостью носил все присутствующие атрибуты: лысину, бороду, очки и «бабочку». И когда он был с чем-то не согласен, стучал в пол массивной тростью и гневно кричал: «Не верю! Не верю!». Антон, как, собственно, и все в театре, деда любил, хотя немного и побаивался. А сам дед боялся бабулю. Когда бабушка, главный бухгалтер, важно шла по коридору театра, молодые актеры вжимались в стены, заслуженные артисты галантно целовали ручку, а безалаберные монтировщики как-то разом трезвели и кланялись в пояс. Оно и понятно, от нее зависело все: деньги на спектакли, на декорации и костюмы, зарплаты и долгожданные премии...

А вот в детский садик Антон не ходил, некому его туда было водить. Мама и папа, как и полагается представителям богемы, спать ложились поздно и рано вставать не любили. Дед-режиссёр вообще, как капитан с тонущего корабля, уходил из театра последний. Под бабушкины грозные окрики и ворчание ночного сторожа, который дверь за ними запирали. Правда, художники «Ба» и «Де» были «жаворонки», птички ранние, но с первыми лучами солнца они скрывались за дверями своего бутафорского царства и носа на волю почти не высывывали.

– Ба, я в садик хочу, – канючил Антон. – Лиза у дяди Толи-гнома туда ходит и Димка у тети Вали-белочки тоже....

– А тебе зачем? – искренне удивлялась «Ба».

– Они там в прятки и «казаки-разбойники» играют!

– Так походи с монтировщиками в кулисах в прятки поиграй. Их никогда на рабочем месте не найдешь!

– А еще в детском садике рисовать и из пластилина лепить учат, – не сдавался Антон.

– Эка невидаль, – присвистнул «Де». – Вот тебе глина, твори! А хочешь, я тебя маслом писать научу?

– И читать учат, а мне скоро в школу идти, – отчаянно выкрикнул свой последний аргумент Антон.

Но находчивая «Ба» сняла с полки толстенную книгу «Искусство эпохи Возрождения» и усадила Антона изучать грамоту.

Так что Антону пришлось смириться со своей «горькой» судьбинушкой. Целыми днями торчать в театре: бродить по цехам и закоулкам, лазить по декорациям, сидеть на утренних репетициях, дремать в гримерке на вечерних спектаклях, дружить с пузатыми «гномами» и не всегда трезвыми «зайцами» и лишь одним глазком с завистью выглядывать в зал, где шумная и веселая детвора жила настоящей жизнью. «Ничего, скоро в школу пойду! Там все по-другому будет...» – мечтал он.

И вот наступил этот долгожданный день – первое сентября!

В первый класс Антона провожали всей дружной театральной семьей. Мама на курточку обычной школьной формы пришила блестящие пуговицы, а на плечики маленькие золотые эполеты, а «Ба» смастерила изящный галстук-бабочку со сверкающим стразиком в центре.

– Ты мой принц, мой маленький инфант! – прослезилась мама.

Дед-режиссер и бабуля-бухгалтер в стороне от столь важного события тоже не остались. Антону выдали огромную плетеную корзину с цветами, благо, днем раньше состоялась премьеры и этого добра в театре было предостаточно. А повезли его в школу на служебном автобусе, декорированном воздушными шарами и разноцветными ленточками.

– Весь мир – театр! Перфоманс должен быть во всем и везде! – категорично заявил дед.

Антон готов был реветь во весь голос, убежать в лес, спрятаться или под землю провалиться. Но спорить с безумной родней было бесполезно, это он уже хорошо знал. Толпа горластых первоклассников, взволнованных родителей и учителей появление Антона оценила по достоинству. Некоторые взрослые просто дар речи потеряли, а детвора с воодушевлением принялась растаскивать с автобуса ленточки и шарики.

Учительница 1 «А» класса Марина Сергеевна, где предстояло учиться Антону, с трудом удерживая в руках цветочную корзину, настороженно разглядывала Антона, как некую причину возможной опасности:

– Какой хороший... нарядный мальчик...

К Антону подскочил мальчишка, весь такой рыжий, кудлатый, конопатый:

– Ты чё как попугай вырядился? Так никто не одевается!

– А судьи кто? – парировал Антон. – За древностию лет к свободной жизни их вражда непримирима, сужденья черпают из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма...

Все лето в театре репетировали «Горе от ума», и текст бессмертного произведения осел у Антона в голове глубоко и полностью. Более того, цепкая детская память самопроизвольно, иногда к месту, иногда не к месту, выдавала не совсем понятные цитаты.

– Дурак, – обиженно отозвался рыжий и убежал.

Суету и неразбериху первых школьных дней Антон пережил достаточно спокойно. Ему как можно быстрее хотелось подружиться с одноклассниками, стать таким же, как все: носиться на переменах по коридору, кидаться скомканными бумажками, махать портфелями и дергать за косицы девочек. Но контакта, увы, не получалось! Стоило ему только приблизиться к мальчишкам и открыть рот, как все замолкали и смотрели на него, как на пришельца с другой планеты или конченного придурка.

Первоклассников построили парами и повели в столовую.

– Мы идем как римские легионеры, – решил поделиться с товарищами своими наблюдениями Антон. – Давайте хором крикнем: «Вива, Цезарь! Вива, император!»

И для наглядности, чтобы всем стало понятно и весело от этой игры, Антон заголосил во все горло: «Вива, Цезарь! Легион готов принять смерть за тебя!». Одноклассники в испуге шарахнулись от него, стройные ряды смешались, а одна девочка даже заплакала.

– Марина Сергеевна, я не хочу с Загребневым в паре стоять! Переставьте меня!

– Да он вообще больной, – подытожил всеобщее мнение рыжий.

Этого рыжего звали Серега Сидоров, и с ним у Антона отношения особенно плохо складывались. Через какое-то время стало понятно, что Сидоров в классе явный лидер и Антона просто терпеть не может. А затем пассивное непонимание плавно переросло в активное неприятие. То есть сначала с Антоном перестали разговаривать, потом начали обидно дразнить, а затем стали бить. Домой Антон постоянно приходил с разбитым носом и порванной одеждой, но не жаловался. Да это было и бесполезно!

– Ой, маленький, опять у тебя синячок под глазом, – сочувствовала добрая мама. – Давай я тебе его тональным кремом замажу.

– Это нормально, пацаны всегда дерутся! Эх, я в его годы такое вытворял... – мечтательно вздыхал о лихой молодости папа.

Но всему есть предел. Однажды, когда ватага одноклассников пинками и затрещинами загнала Антона в угол и мальчишки были уже готовы вздуть этого «отщепенца» по полной программе, он не выдержал, схватил с подоконника горшок с кактусом и опустил его на голову Сидорову. Горшок раскололся пополам, Сидоров от удивления широко открыл рот и глаза, тонкая струйка крови побежала у него по лицу, он покачнулся и упал.

Родителей Антона вызвали к директору. Мама-актриса рыдала и периодически падала в обморок, видимо заранее примеряя на себя роль Гертруды и прочих благородных матерей.

– Мой сын, мой бедный сын! – стенала она, уронив голову на директорский стол.

Бледный папа стоял рядом, слегка покачивался, но мужественно и вовремя, прямо на реплику, подавал жене платок. Чувствовал он себя отвратительно, накануне в театре был банкет со всеми вытекающими последствиями.

– Послушайте, ситуация очень серьезная, – пытался вразумить их директор школы. – У Сидорова сотрясение мозга, его родители имеют полное право в суд подать! Мы должны вашего сына из школы исключить и в детскую комнату милиции на учет поставить.

– Мой внук не способен на злодейство! На преднамеренную жестокость! Не верю!!! – Дед-режиссер со всей силы колотил своей палкой в пол, да так, что стекла дрожали.

– Он только защищался! Его били! – иступленно кричала «Ба».

– Во все времена гении были изгоями! Их унижали и уничтожали, но их имена остались в веках! Наш мальчик просто другой! – художник «Де», защищая внука и всю мировую культуру, побагровел, и на лбу у него выступили мелкие бисеринки пота.

– Да, Антон другой, – осторожно начала классная руководительница Марина Сергеевна. – Далеко опережает в развитии своих сверстников, но он не умеет общаться и не может подстроиться под окружающий мир. Он совершенно асоциален!

– Мой сын болен! – опять заголосила мама.

Антон стоял тут же, в уголке, низко опустив голову. И без того расколотый на мелкие частички мир окончательно рушился. Ему казалось, что он как та самая несчастная девочка Алиса, которая погналась за белым кроликом, сдуру провалилась в «Зазеркалье» и летит, летит в тар-тарары и конца этому никогда не будет. Призрачный мир со всех сторон опутал его, обхватил своими мягкими и хищными лапами, а реальная жизнь его не принимает. Да так ли она хороша, эта реальность? Тут все злые и жестокие, грубые и ограниченные. И куда же ему, недотепе Антону, деваться?

– Значит, так, забирайте вашего ребенка из школы, – решительно сказал директор. – Мы будущих преступников растить не хотим!

Тут уж закричали и завопили все хором. Но вдруг бабушка-бухгалтер, мрачно молчавшая до сих пор, рявкнула, да так, что любой прапорщик позавидовал бы:

– А ну тихо, не за кулисами!

После чего широко и ласково улыбнулась педагогическому составу, блеснув всеми своими золотыми коронками:

– А я думаю, мы договоримся... Ведь так?

Этого любезного оскала оказалось вполне достаточно, чтобы директор школы всем телом в спинку кресла вжался, а Марина Сергеевна на полусогнутых ногах послушно присела на краешек стула.

Антон был амнистирован.

После чего двумя сторонами был подписан официальный документ:

«Областной драматический театр г. Озерска, в лице директора и худрука Л.П. Загребнева, обязуется ежемесячно организовывать для учащихся средней школы №77 бесплатные целевые спектакли. Актриса Е.В. Загребнева, на безгонорарной основе, согласна выступить

перед учениками старших классов с литературно-художественной композицией по произведениям поэтов Серебряного века. Актер Г.Н. Загребнев, на добровольной основе, подготовит к празднику с учениками младших классов новогоднюю сказку. Также на базе театра и буффорского цеха для учеников школы №77 будет организован кружок «Умелые руки», где дети смогут постигать азы декоративно-прикладного искусства».

В классе от Антона наконец-то отстали. Дружить никто не старался, но и шпынять перестали. Рыжий Сидоров вернулся в школу после больницы и долго хвастался перед друзьями боевой штопаной раной на голове. Но «психа» Загребнева на всякий случай стороной обходил. А родители, следуя совету учителей «больше уделять ребенку внимания», со всем пылом взялись за воспитание Антона.

У всех детей доперестроечного времени, чьи родители «горели» на работе, как правило, на шее болтался шнурок с ключом. И была дана четкая установка: чтоб после школы шел домой, обед разогрел, поел, посуду помыл, цветы полил, с собакой погулял и сел уроки учить. У Антона таких ключей на шее висело аж три, но смысла это никакого не имело. Собаки и в помине не было, обеда в холодильнике тоже, причем ни в одной из трех квартир. Поэтому, как обреченный, после уроков он уныло брел в театр. А там начинался воспитательно-образовательный процесс. В кабинете у деда-режиссера стеллажи с книгами упирались в самый потолок. Он гордо обозревал свои сокровища, величественно взмахивал рукой и торжественно произносил:

– Антон, все это ты должен прочитать! Только так сможешь стать настоящим человеком!

Для затравки девятилетнему Антону был выдан двухтомник романа «Война и мир», дедушкина любимая и настольная книга. А точные науки преподавали в бухгалтерии. Бабуля лихо стучала костяшками стареньких деревянных счет: сложение, вычитание, деление и умножение. Да так, что ни одна счетная машинка за ней угнаться не могла.

– Считать надо уметь хорошо, – твердила она. – А то козлом отпущения окажешься!

«Де» и «Ба» отвечали за историю и обществоведение. Но Антон уже знал: с ними ухо надо держать востро! Так, например, в первом классе Антон здорово опозорился, когда Марина Сергеевна стала показывать детям глобус, а он принялся спорить и доказывать, что все не так. Земля, она плоская, стоит на трех слонах, а они на панцире огромной черепахи, которая иногда поворачивается, чтоб почесаться, и от этого день и ночь наступают. Все это ему фантазер «Де» рассказал. Одноклассники над ним долго смеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.